

АДЫГЕЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

* * *

ЭКОНОМИКЭМ, БЗЭМ, ЛИТЕРАТУРЭМ, ИСТОРИЕМ
ЯЗЫГЪЭШІЭН ПЫЛЪ АДЫГЭ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКЭ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕЙ

МАЙКОП — 1992

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Кандидат исторических наук **Мекулов Д. Х.** (ответственный редактор), **Дитлер П. А.**, **Сазонов А. А.**

Сборник «Вопросы археологии Адыгеи» в основном посвящен проблемам древнекаменного века на Северо-Западном Кавказе.

СОДЕРЖАНИЕ

Чистяков Д. А. Малая Воронцовская пещера	3
Любин В. П., Чистякова Ж. К. Исследование Малой Воронцовской пещеры в 1989 г.	45
Несмеянов С. А. Геоморфологическое положение пещерных палеолитических стоянок в долинах рек Хосты, Кудепсты и Мзымты (южный склон Западного Кавказа)	61
Левковская Г. М. Палинологическая характеристика мустьерской стоянки Воронцовская пещера	93
Дороничев В. Б. Раннеашельская стоянка в Треугольной пещере	102
Кулаков С. А. К вопросу об определении хозяйственной специализации некоторых нижнепалеолитических памятников Кавказа	135
Голованова Л. В. Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе	156
Беляева Е. В. Новые исследования Монашеской пещеры на Губсе	182
Щелинский В. Е. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики)	194
Поплевко Г. Н. Кремневые орудия труда поселения Ясенова Поляна (по данным трасологического анализа)	210
Рысин М. Б. Керамика поселения строителей дольменов в Майкопском районе	215
Дмитриев В. А. Малая мера дольменов Западного Кавказа	224
Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского	244
Анфимов И. Н. Меотский могильник близ аула Шенджий	275
Анфимов Н. В. Меотский сосуд с мифологическими сценами	287
Дитлер П. А. Пшимаф Улагаевич Аутлев	294

Гр. авторов

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ

Сдано в набор 4.03.92 г. Подписано в печать 22.12.93 г. Формат бумаги 70×90/16.
Способ печати офсетный. Усл. печ. л. 21,93. Заказ 066. Тираж 500.

Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение
«Адыгея», Комитета по печати и информации Республики Адыгея,
г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРУДИЙ ТРУДА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИКУБАНЬЯ (вопросы методики)

Вопрос об использовании древних орудий обсуждается с тех пор, как возникла наука о первобытном обществе. Интерес этот имеет прямое отношение и к орудиям, обнаруженным на многочисленных стоянках нижнего палеолита Прикубанья.

Конечно, со временем задачи функционального анализа орудий изменяются. Вместе с тем, по-прежнему, актуальной остается одна из основных проблем палеолита, коротко формулируемая как соотношение формы и функции палеолитических орудий. От характера ее освещения обычно зависят подходы к классификации орудий и объяснению последних. Наряду с этой традиционной проблемой, в последние годы появились и другие задачи, связанные с изучением функций орудий. Прежде всего это потребность интерпретации сущности различий вариантов мустьерской и домустьерских культур. Вопрос ставится таким образом — в какой мере эти варианты были обусловлены функциональной изменчивостью палеолитических индустрий? Далее. Ставится задача изучения отдельных отраслей палеопроизводства на нижнепалеолитических стоянках. Это интересно в том плане, что открывает новые возможности для сравнения орудий в разных индустриях уже по другим признакам. Сравняются не просто орудия, а орудия, применявшиеся для конкретных целей: для обработки дерева, шкур, разделки мяса и т. д. Наконец, на базе функционального анализа орудий труда можно попытаться реконструировать, хотя бы в приближенных пределах, картину хозяйственно-производственной деятельности палеолитических людей на стоянках и тем самым выработать более обоснованную типологию самих нижнепалеолитических стоянок.

Однако, ставя перед собой отмеченные научные задачи, надо иметь в виду, что изучение функций палеолитических орудий представляет собой самостоятельный уровень и особую отрасль археологических исследований. Оно связано с изучением общей морфологии артефактов, но не ограничивается рамками типологического анализа последних. Используются и собственные методы и приемы исследований, адекватные специфическим источникам функционального анализа.

Сейчас существуют несколько способов установления функций первобытных орудий: контекстуальный, технико-морфологический, этногра-

фический, экспериментальный и трасологический. Каждый из этих методов имеет свои преимущества. Вместе с тем, познавательные возможности их неодинаковы. Наиболее надежным и результативным признан трасологический метод.

Чем же обусловлен приоритет трасологического метода? Особая значимость его определяется двумя основными моментами, привлекающими исследователей. Во-первых, важно то, что заключения о функциях строятся по результатам анализа прямых свидетельств использования орудий в древности — следов сработанности на них. Во-вторых, и это не менее важно, сделанные определения могут быть при желании проверены повторным изучением следов сработанности, остающихся на орудиях. И это вполне доступно археологам, знакомым с трасологией.

Надо сказать, что археологическая трасология возникла в недрах самой археологии, и по замыслу ее основоположника С. А. Семенова, призвана была способствовать решению проблем истории техники и технического прогресса на начальных этапах развития человеческого общества, вставших в ходе изучения археологических материалов. Появление трасологического метода стимулировалось прежде всего необходимостью всестороннего изучения древнейших орудий труда, стремлением выяснить какие работы производились этими орудиями и какими способами они были сделаны. Именно для ответа на эти вопросы и разрабатывалась методика трасологического анализа (4, с. 5, 7; 6, с. 3—5).

Однако такое понимание предназначения археологической трасологии на нынешнем этапе ее развития представляется не совсем правильным. Дело в том, что трасология имеет дело с особыми признаками и специфическими источниками информации. Ими являются следы от былого изготовления и использования археологических артефактов. Эти следы далеко не всегда видны невооруженным глазом; чаще всего они анализируются с помощью микроскопов. Весьма сложной является и процедура их идентификации и функциональной интерпретации. Поэтому совершенно ясно, что цель археологической трасологии — это прежде всего изучение самих следов изготовления и использования на первобытных орудиях. Трасология призвана обнаружить, описать и идентифицировать эти следы, выяснить на их основе чем изготовлялись изделия, какова была их рабочая кинематика и какие обрабатывались материалы, если изделия служили орудиями труда. Такого рода сведения, полученные в ходе трасологических исследований, в совокупности со сведениями об изготовлении и применении артефактов, взятыми из других источников, только и могут составлять ту фактологическую базу, которая позволяет конкретизировать приемы изготовления, типологию и производственные функции орудий из археологических коллекций.

Следы сработанности имеют весьма разные качественные и количественные проявления. Поэтому они могут быть применены для функциональной интерпретации орудий только после соответствующей систематизации и группировки. Исходя из этого, многообразные следы сработанности разделяются нами прежде всего на 2 большие группы, в основе различий которых лежат особенности механических воздействий, испытываемых

орудиями при работе. Это: **следы грубой деформации рабочих частей**, обусловленные кратковременными мощными силовыми нагрузками на эти части (удар, сильное давление) и **следы относительно слабой (тонкой) деформации орудий**, вызываемые устойчивым трением поверхности орудий о другой материал. Каждая из этих групп включает в себя конкретные следы сработанности, которые мы делим на 4 категории, основываясь на морфологических признаках следов, по-разному отражающих изменения первичных параметров лезвий. Первую категорию следов составляют различные следы сработанности, которые мы объединяем под названием «**следы чешуйчатой выкрошенности лезвий**». Важно отметить, что такого рода следы сработанности часто прослеживаются невооруженным глазом и на этом уровне достаточно хорошо классифицируются. Ко второй категории относятся следы сработанности, вызывающие затупление кромки (**следы затупления кромки**) и не являющиеся следами чешуйчатого повреждения лезвий. Речь идет главным образом о различных проявлениях «микрозаломов», «смятости», «забитости» и истирания кромки лезвий. Затем следуют **линейные следы**, встречающиеся в виде царапинок и бороздок на поверхности орудий. Наконец, последнюю категорию следов сработанности образуют разные **типы заполировки** использовавшихся участков орудий. Эти следы лучше всего идентифицируются при больших увеличениях бинокулярного и металлографического микроскопов.

Возникает вопрос, равноценны ли при трасологическом изучении следы выделенных категорий? Нет сомнений, что любые следы сработанности имеют определенную информацию о функциях орудий, на которых они сохранились, хотя и в разном объеме. В этом отношении, безусловно, самыми информативными являются заполировка и линейные следы, в которых четко отражаются как свойства обрабатываемых материалов (мясо, шкура, дерево, кости и т. д.), так и рабочая кинематика орудий. Меньше функциональной информации содержится в следах чешуйчатой выкрошенности и затупления кромки лезвий орудий. Вместе с тем следует признать, что эти последние следы сохраняются на орудиях лучше, тогда как микроскопическая заполировка и линейные следы в большей степени подвержены изменениям и даже уничтожению под влиянием времени. Тем не менее, следы сработанности разных категорий мы находим обычно вместе, в виде комплексов следов на одних и тех же лезвиях орудий. Поэтому при трасологическом исследовании они также должны рассматриваться и анализироваться именно в комплексе. Только в этом случае можно достаточно надежно судить о функциях изучаемых орудий (об обрабатываемых материалах и рабочих операциях, выполнявшихся орудиями).

Изучение орудий из палеолитических стоянок на основе комплексов следов сработанности, включая как микроскопические, так и макроскопические следы, мы начали в конце 60-х годов (9, с. 91—124). Правильность такого методического подхода подтверждается всем ходом трасологических исследований. Особую значимость этот подход имеет при изучении функций в первую очередь палеолитических орудий, которые,

в отличие от орудий более позднего времени, выглядят в массе своей как бы мало сработанными. Последнее обстоятельство повышает роль комплексного анализа следов сработанности на орудиях. Вместе с тем нельзя не отметить, что для распознавания функций орудий не всегда необходимо наличие на них следов сработанности обязательно всех категорий. В ходе исследований бывают исключения. Так, достаточно полную информацию о характере использования орудий мы можем получить, изучив на них, например, лишь заполировку и линейные следы или даже одну только заполировку, или одни линейные следы сработанности. Точно также бывают случаи, когда решающую роль при идентификации сработанности играют главным образом макроследы, следы грубой деформации рабочих лезвий орудий. Такие ситуации естественны, поскольку за ними стоят различия самих процессов изнашиваемости орудий от разных видов работы. Сейчас известно, что одни орудия изнашивались преимущественно от появления на них микроскопических изменений поверхности (тонкая деформация) в виде заполировки, пришлифовки, линейных следов. Для износа же других орудий в большей мере свойственны макроскопические грубые деформации рабочих участков, такие как их чешуйчатая выкрошенность, специфические сломы концов, смятость, забитость, сильная истертость и т. д.

Наиболее трудной задачей является выделение и правильная интерпретация следов сработанности на орудиях. Здесь нужны особые приемы исследований. Речь идет не только о самой прикладной методике обнаружения, препарирования, фиксации следов, без которой, конечно же, невозможно проведение трасологических исследований. Методика эта хорошо и неоднократно описана С. А. Семеновым, Л. Кили, П. Андерсон-Жерфо, У. Плиссоном и другими трасологами и нет необходимости останавливаться на ней еще раз. Говоря о специфике приемов трасологического исследования функций палеолитических орудий мы хотим особо подчеркнуть принципиально важную роль в этих исследованиях данных экспериментального моделирования различных рабочих операций изделиями соответствующих технико-типологических категорий и наблюдений по следам сработанности на этих экспериментальных орудиях. Эксперименты позволяют увидеть на орудиях следы сработанности в полном объеме и в свежем виде, и тем самым дают возможность восстановить недостающие звенья в комплексах следов сработанности на археологических орудиях, почти всегда в той или иной степени фрагментированных и неполных. Одновременно прослеживается определенная иерархия признаков. Устанавливаются совокупности значимых признаков в следах сработанности, которые могут быть признаны достаточными для надежной интерпретации функций орудий из инвентаря стоянок.

В настоящее время имеется значительное количество монографических исследований и отдельных статей, в которых даны описания следов сработанности на экспериментальных орудиях от использования этих орудий в тех или иных рабочих операциях. Однако, несмотря на многочисленность публикаций, описания следов сработанности орудий тем не менее являются весьма неполными и односторонними. Положение ослож-

няется и тем, что исследователи пользуются далеко не унифицированным понятийным аппаратом, и это очень затрудняет понимание действительных различий следов сработанности на орудиях. Отчетливо проявляется субъективный подход к оценке значимости разных категорий следов сработанности орудий для функциональной интерпретации последних. Отсюда весьма не одинаковое отношение к таким разновидностям следов сработанности как чешуйчатая выкрошенность и затупленность кромки, линейные следы и заполировка поверхности рабочих лезвий. Нельзя, например, не заметить особенно пристального внимания многих, в частности, западных исследователей, главным образом, к одной категории следов сработанности, а именно, к заполировке, справедливо рассматриваемой как важнейший диагностический признак функций орудий. Ряд других категорий следов сработанности, столь же важных для анализа, фигурируют в описаниях, скорее, в качестве фона к заполировке без достаточно подробной детализации. В иных случаях, наоборот, фиксируется внимание в первую очередь на признаках сработанности, связанных с грубой деформацией рабочих участков и наблюдаемых невооруженным глазом или под микроскопом с малым увеличением, без особого интереса к изучению рабочей заполировки орудий. Сказанное заставляет признать, что как бы ни были обширными опубликованные экспериментальные данные по изнашиваемости орудий, для трасолога совершенно необходимы также дополнительные собственные экспериментально-трасологические наблюдения, приближенные к специфике изучаемых им археологических материалов.

В данной статье мы рассмотрим один из мустьерских комплексов, в котором зафиксированно, наряду с прочими орудиями, довольно много орудий труда, использовавшихся древними людьми для обработки дерева (кости). Поэтому, в качестве примера экспериментально-трасологического анализа, приведем здесь описание эталонных следов сработанности орудий как раз от обработки этих материалов. При этом из-за жесткого лимита объема статьи ограничимся следами сработанности лишь на ножах и скребках для дерева (кости). Следует отметить, что речь пойдет о следах на орудиях из кремня и окремненных пород камня (мергеля, доломита, известняка, лидита и алевролита). На однофункциональных орудиях из названных пород камня, несмотря на значительные различия последних по петрографическому составу и твердости, следы сработанности по многим параметрам оказались довольно сходными.

Первые сведения о следах сработанности на орудиях, применявшихся для работы по дереву, мы находим у С. А. Семенова. Правда, следы эти были установлены им не столько экспериментальным путем, сколько на основе обычных представлений о кинематике тех или иных морфологических типов орудий. Вот, например, как описываются заполировка и линейные следы на строгальных ножах. Отмечается, что у этих орудий наиболее изношена одна сторона, на другой стороне следы менее заметны. Заполировка видна у лезвия, и она постепенно ослабевает по направлению к противоположному краю. Линейные следы лежат перпендикулярно или с некоторым наклоном к линии лезвия (4, с. 136). Характерной чертой

следов изнашивания на скобелях (проще, скребках для дерева), по мнению исследователя, является «узкая полоска изнашивания, проходящая по самому краю с незначительным переходом на плоскости, образующие рабочий край. Часто сработанный край имеет интенсивный блеск или выкрошенность..., нередко можно обнаружить линейные следы, пересекающие сработанную полоску края (5, с. 21). Износ орудий от работы по дереву фиксировался Г. Ф. Коробковой. По ее мнению, например, скобели имеют изношенность в виде выкрошенности и затупленности; линейные следы на них перпендикулярны краю и остроконечны (2, с. 24). Заслуживают внимания описания следов, учитывающие их микропризнаки — заполировку и линейные проявления. Л. Кили характеризует заполировку от дерева как очень яркую и гладкую с неровной обычно плавно изогнутой или «купольной» поверхностью. На заполировке в развитах виде прослеживаются линии в виде желобков (11, pp. 35—38; 12, p. 39). П. Андерсон-Жерфо, указывая на плотность заполировки от дерева, называет ее «бриллиантовой». Интенсивность заполировки, как отмечается, зависит не только от того как работали орудием, но и от степени влажности обрабатываемого дерева (10, pp. 47—51). Сходного мнения придерживается У. Плиссон. Он пишет, что, например, строгание сырого дерева фиксируется по блестящему коалесансу (полю заполировки), далеко протягивающемуся от края лезвия, который бывает флюидным сплошным или слабо сглаживающим вершинки неровностей. Заполировка же от выскабливания пазов в твердом и сухом дереве может быть похожа на заполировку от работы орудием по кости (13, p. 59).

Наше описание следов сработанности разных орудий в том числе орудий для работы по дереву (кости) охватывает большой список признаков. Прежде всего следует сказать, что от обработки дерева (кости) любыми операциями следы сработанности на орудиях часто хорошо выражены, даже если орудия использовались сравнительно непродолжительное время. Вполне понятно, что они не во всех случаях одинаковые. Различия их прямо связаны с особенностями кинематики орудий. Кроме того, некоторую специфику следам придают петрографические свойства породы камня, из которого изготовлены орудия.

Посмотрим на следы сработанности на ножах. Выраженность чешуйчатой выкрошенности на их лезвиях во многом зависит от твердости дерева и приема резания. Так, при срезании деревьев с корня выкрошенность лезвий бывает слабой, мелкой (до 1 мм) и практически незаметной невооруженным глазом. Под микроскопом видно, что она располагается с обеих сторон лезвий бессистемно и рассеянно. Кромка лезвий остается острой и мелкозубчатой. Однако при резании сухого дерева, особенно с плотной древесины, выкрошенность лезвий более интенсивная и крупная, хотя характер ее остается прежним Рис. 1. Если лезвия отретушированы, некоторое преобладание фасеток выкрошенности обнаруживается на их гладкой, неретушированной стороне. Несмотря на чешуйчатую деформацию, кромка лезвий не забита, сохраняет мелкозубчатый профиль. Вершинки зубчиков на ней острые, не истертые. Заполировка лезвий, в зависимости от приема резания, может быть кромочного или распростра-

ненного типа. Например, при резании приемом, сходным по кинематике с работой современным перочинным ножом при перерезании палки, заполировка прослеживается на обеих сторонах лезвий, но распространяется на них различными по ширине участками. Степень выраженности заполировки при визуальном наблюдении сравнительно слабая. Однако при большом увеличении металлографического микроскопа (300—500 раз) она хорошо распознается. Заполировка отличается микроячейстым рисунком. Ячейки неправильной формы, часто продолговатые, и вытянуты по направлению, совпадающему с кинематикой орудий. Они более или менее густо рассеяны между ямками — неровностями первичной структуры камня. Важно отметить, что поверхность очажков сплошной заполированности, составляющих ячейки, не очень гладкая, как бы рифленая или полого бороздчатая с плавно оглаженными выступами неровностей микрорельефа. Иногда поверхность эта слегка выпуклая или плоская и только при работе по твердому сухому дереву поверхность очажков заполированности немного вогнутая и в этом случае напоминает микроструктуру заполировки лезвий от работы им по кости или рогу. Линейные следы сработанности буквально микроскопические (длина 0,01—0,02 см) и устанавливаются на заполировке с обеих сторон лезвий. В соответствии с кинематикой работы, они ориентированы почти параллельно, а иногда и под углом 50—60° относительно линии лезвия.

Следы сработанности орудий от резания кости (рога) имеют свои особенности. Лезвия таких орудий обычно сильно затуплены. Причем затупленность эта обусловлена грубой деформацией кромки лезвий — чешуйчатой выкрошенностью и забитостью. Последние во многом сходны с признаками деформаций лезвий ножей для дерева, но выражены более резко. Важнейшим же отличительным признаком орудий для кости (рога) является специфическая заполировка на их рабочих лезвиях. Она весьма яркая (более яркая по сравнению с заполировкой от дерева), блестящая, с глянцем, налегающего типа, с четкими границами перехода к незаполированным участкам поверхности. При большом увеличении металлографического микроскопа поверхность заполировки выглядит плоской или слабо вогнутой, не гладкой, а как бы покрытой волнами рябин ячейсто-желобчатой формы. Донца микроуглублений гладкие, продолговатые и вытянутые по направлению движения орудий. Заполировку иногда прочерчивают тончайшие линейные следы (микроцарапинки). На заполировке можно проследить тонкие угловатые трещинки.

Следы сработанности на скребках для дерева или кости (рога), как правило, хорошо видны и легко диагностируются. Прежде всего выделяются следы, обусловленные грубой деформацией лезвий. Это своеобразная чешуйчатая выкрошенность активной кромки лезвий. Выкрошенность односторонняя и возникает на лезвиях в первые же секунды работы орудиями. По мере использования орудий, она усиливается и становится похожей на мелкую (кромочную, «бисерную») (крутую и полукрутую ретушь (Рис. 2,1—36). Однако, в отличие от настоящей ретуши, эта выкрошенность отчетливо занозистая и многоступенчатая. В ее поперечном профиле прослеживаются минимум два яруса. Нижний ярус

образован характерными заламами кромки в виде многочисленных микроскопических и как бы налегающих друг на друга укороченных фасеток. Более высокий ярус выкрошенности представлен фасетками, наблюдаемыми невооруженным глазом. На тонких неретушированных лезвиях длина их 0,5—3 мм; они плотно прилегают одна к другой и располагаются непрерывной цепочкой. В случаях непродолжительного использования орудий эти фасетки разрежены и сопровождаются крутыми обломами края. На массивных лезвиях выкрошенность менее регулярная и мелкие фасетки перемежаются с относительно крупными (до 6 мм). На ретушированных лезвиях верхний ярус фасеток выкрошенности обычно слабо заметен. Лезвия орудий слегка зазубренные. При этом вершинки зазубрин смяты и закруглены. Сильно изношенные лезвия извилистые, нередко с мелкими и пологими соединяющимися между собой выемочками. Лезвия, как правило, затупленные. На орудиях из не очень твердого камня, например из доломита, кромка лезвий не только смята, забита, но и сильно истерта. Признаки сработанности в виде заполировки и линейных следов выражены на скребках для дерева и кости (рога) значительно слабее особенно, если орудия изготовлены из кремня. Заполировка локализуется узкой полоской у кромки и прослеживается на обеих сторонах лезвий. При этом она лучше развита на вершинках зазубрин. По микроструктурным признакам заполировка на этих скребках неотличима от заполировки на других орудиях, применявшихся для работы по дереву или, соответственно, по кости (рогу). Что касается линейных следов, то они очень редки. Их можно иногда проследить в виде тончайших царапинок или коротких желобков и рисок, ориентированных поперек линии рабочего края орудий.

Естественно можно поставить вопрос, насколько хорошо экстраполируются следы сработанности экспериментальных орудий на реальную картину следов сработанности, обнаруживаемых на археологических вещах? Ответ на него только положительный. В противном случае было бы совершенно бессмысленно проводить экспериментальные работы, направленные на выявление комплексов следов сработанности на орудиях. Именно последние и позволяют правильно оценить и идентифицировать следы сработанности древних орудий. Однако при этом следы сработанности на орудиях из археологических коллекций должны быть непременно достаточными для диагностики функций, иначе говоря, представлять из себя совокупности значимых признаков, четко отражающих то или иное использование орудий. Значимость же разных признаков сработанности орудий как раз и проверяется по экспериментальным эталонам.

Нижнепалеолитические стоянки Прикубанья исследованы пока недостаточно. В начальной стадии находится и функциональное изучение их инвентаря. Наиболее представительная коллекция орудий изучена нами из мустьерской стоянки в Монашеской пещере, расположенной на р. Губс близ станицы Баракаевской.

Стоянка в пещере открыта в 1961 г. П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером. Тогда же на ней был поставлен разведочный раскоп, вскрывший 6 кв. м культурного слоя (I, с. 172—176). Добытую археологическую

коллекцию исследовал и А. А. Формозов, который датирует стоянку концом мустьерской эпохи и относит ее к классическому мустье, отличающемуся от мустье Ильской стоянки (8, с. 33—39; 1971, с. 116). К такому же выводу относительно возраста и культурного облика стоянки пришел и В. П. Любин (3, с. 173). По его мнению, обилие расщепленного кремня с признаками интенсивной первичной и вторичной обработки, а также большое количество орудий на стоянке свидетельствуют о том, что ее можно рассматривать «в качестве долговременной стоянки-мастерской мустьерских людей» (Там же, с. 148).

Для трасологического изучения из инвентаря стоянки было отобрано 131 каменное изделие: 66 орудий, 57 отщепов и пластин и 8 нуклеусов. Большинство артефактов изготовлено из серого, темно-серого и черного кремня, около десятка — из розового и молочно-белого. Отчетливые следы сработанности (достаточные для интерпретации функций орудий) обнаружены на 33 изделиях, в том числе на 6 асимметричных остроконечниках, 2 конвергентных скреблах, 1 диагональном скребле, 10 простых скреблах, 3 скребках, 8 отщепах с ретушью и 3 отщепах. Анализ следов показал, что орудия использовались в разных функциях. 15 орудий было связано с обработкой дерева (кости), 8 — шкур животных, 10 применялись для работы по дереву (кости) и для разделки мяса. Посмотрим, как распределяются функции по технико-типологическим категориям орудий?

Асимметричные остроконечники. 4 орудия имеют износ от резания мяса-шкур и дерева (кости). Это комбинированные орудия — мясные ножи и ножи для дерева (кости). Остроконечная форма ножей свидетельствует о том, что при разделке туш животных они выполняли не только режущую, но и вспарывающую функцию. 1 остроконечник служил проколкой. Еще 1, сломанное орудие, применялось в качестве скребка для дерева (кости).

Скребла конвергентные. Оба со следами сработанности от скобления шкур и поэтому в функциональном отношении являются скребками. Однако, скорее всего, это вторичная функция орудий.

Скребло диагональное. Представляет собой скребок для обработки шкур.

Скребла простые боковые. На 8 орудиях сохранились отчетливые следы сработанности от скобления дерева (кости). На стоянке эти орудия использовались как скребки для работы по названным материалам, но, по-видимому, не все они были только скребками. Укажем, например, на 1 скребок данного типа, имеющий подтеску одного из концов, характерную как раз не для скребков, а для ножей. 2 скребла были комбинированными орудиями — мясными ножами и ножами для дерева (кости).

Скребки. Ничем не отличаются от верхнепалеолитических скребков, применявшихся для обработки шкур.

Отщепы с ретушью. 6 таких отщепов были скребками для дерева (кости), 1 орудие служило комбинированным ножом для разделки мяса и резания дерева (кости) и 1 оказалось слегка отретушированной проколкой.

Отщепы. Они использовались как комбинированные ножи для разделки мяса и обработки дерева (кости).

Обращает на себя внимание, что большинство орудий со следами сработанности (23) можно определить как монофункциональные орудия, имевшие какую-либо одну функцию. Меньшую их часть (10) составляют комбинированные орудия, которые использовались для разных кинематических операций и нередко для работы по разным материалам. Разумеется, выделение этих групп орудий в какой-то мере условно, так как монофункциональные орудия в действительности тоже могли применяться для нескольких функций. Однако это не нашло отражения в трасологических признаках. Мы же исходим из реально сохранившихся следов сработанности, и полагаем, что условия для сохранения любых следов сработанности на орудиях стоянки были в целом одинаковыми.

Имеются ли среди изученных орудий стоянки орудия специализированного назначения? Или все они являются полифункциональными орудиями? Однозначно ответить на эти вопросы сложно. Вместе с тем нет сомнений, что орудия изготавливались на стоянке для разных хозяйственно-производственных целей. Возьмем, например, законченные формы орудий в виде асимметричных остроконечников. В результате проведенного трасологического анализа становится совершенно ясно, что эти орудия изготавливались на стоянке как ножи и прежде всего как мясные остроконечные ножи для разделки туш животных. Но в условиях стоянки они систематически использовались и в качестве ножей для обработки дерева (кости). Сравнительно многочисленными простыми боковыми скребками были на стоянке в первую очередь скребками для дерева (кости). И это, по-видимому, не случайно. Среди них особенно интересен скребок с массивным суженным рабочим лезвием, изготовленный на толстом треугольном в сечении отщепе. Рабочее лезвие, выделенное по следам сработанности, не совпадает с отретушированным краем скребла и располагается на узком конце, на месте ударной площадки исходной заготовки, снятой обработкой. Оно имеет долотовидную форму и образовано одним плоским срединным сколом с дорсальной стороны орудия. Рабочая кромка располагается в плоскости противоположной стороны. В отличие от других скребков, служивших для обработки широких уплощенных и сферических поверхностей, данное орудие, очевидно, использовалось для выскабливания полостей или широких пазов в деревянных (костяных) заготовках. Надо сказать, что такого рода инструменты, получившие название «резчиков-скобелей», в настоящее время широко известны из неолитических стоянок (6, с. 118—120; 2, с. 22). В археологических материалах нижнего палеолита эта разновидность скребков для дерева (кости) обнаружена впервые. Привлекают к себе внимание также единичные орудия в форме типологически выраженных скребков (2 полукруглых, 1 концевой), которые имеют сработанность от скобления шкур. Специализированный характер и этих орудий не вызывает сомнений. Отщепы с ретушью применялись на стоянке главным образом в качестве скребков для дерева (кости), но они имеют неустойчивую форму и минимальную вторичную обработку. Вероятно, это были случайные орудия

для разных целей. То же можно сказать и об орудиях в виде необработанных отщепов.

Исследование функций сравнительно небольшой выборки орудий, разумеется, не позволяет в полном объеме охарактеризовать хозяйственно-производственную деятельность мустьерских людей в Монашеской пещере. Однако основные черты этой деятельности выявляются достаточно отчетливо. Мы согласны с В. П. Любиным в том, что на стоянке существовала, по-видимому, многоплановая мастерская по обработке кремня и изготовлению кремневых орудий труда. Вместе с тем, как показал трасологический анализ этих орудий, здесь же на стоянке весьма важное место занимала обработка дерева и, вероятно, кости. С этой отраслью производства были связаны 65,2% монофункциональных орудий и все комбинированные орудия со следами сработанности. Показательно, что среди орудий представлены ножи и скребки нескольких морфологических разновидностей, что, как будто, свидетельствует об изготовлении на стоянке из дерева (кости), по-видимому, не только орудий и оружия, но и каких-то емкостей. Судя по изношенным орудиям, заметную роль играла и обработка шкур. Следует подчеркнуть, что при этом использовались две основных категории орудий — скребки, в том числе вполне выработанных форм и проколки, которые в совокупности составили 34,8% всех монофункциональных орудий изученной коллекции. Интересно, что среди комбинированных орудий инструменты для работы — по шкурам не найдены. Соотношение орудий позволяет предположить, что на стоянке производилась выделка шкур животных и изготовлялись меховые и кожаные изделия. Разделка мяса фиксируется наличием сравнительно небольшого количества орудий. Выявлено только 10 ножей (в действительности их было, несомненно, значительно больше), которые, к тому же, использовались и для работы по дереву (кости). 4 из них остроконечной формы и предназначались, надо думать, для свежевания охотничьей добычи.

Как видим, хозяйственно-производственная деятельность людей на стоянке имела довольно сложную структуру, что вполне согласуется с выводом В. П. Любина о том, что стоянка эта была долговременной стоянкой-мастерской. Нижнепалеолитические стоянки с такими хозяйственно-производственными особенностями мы называем базовыми лагерями охотников. Еще раз отметим, что одной из важных отличительных черт материальной культуры обитателей данного лагеря является широкое использование и высокий уровень обработки дерева (кости) и шкур животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аутлев П. У. 1964. Губская палеолитическая стоянка//СА, № 4.
2. Коробкова Г. Ф., 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Наука, Л.
3. Любин В. П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Наука, Л.
4. Семенов С. А., 1957. Первобытная техника. Наука, М.—Л.
5. Семенов С. А., 1966. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита//VII Между-

- народный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР, М.
6. Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Наука, Л.
 7. Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. Наука, М.
 8. Формозов А. А., 1971. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье//МИА, № 173.
 9. Щелинский В. Е., 1974. Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения). Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук//Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 2057.
 10. Anderson-Gerfaud P., 1981. Contribution méthodologique à l'analyse des microtraces d'utilisation sur les outils préhistoriques Thèse de Doctorat. Université de Bordeaux I. Bordeaux.
 11. Keeley L. H., 1980. Experimental Determination of Stone Tools Uses. The University of Chicago Press. Chicago and London.
 12. Keeley L. H. and Newcomer M. H., 1977. Microwear Analysis of Experimental Flint Tools: A Test Case. Journal of Archaeological Sciens, 4.
 13. Plisson N., 1985. Etude fonctionnelle d'outillage lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures; recherche méthodologique et archéologique. Thèse présentée de l'Université de Paris I. Paris.